

Сергей ЗВЕРЕВ

СОМАЛИЙСКИЙ ПЛЕННИК

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Сомалийский пленник

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Сомалийский пленник / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Спецназ ВДВ)

Сомалийский бандит похищает русского представителя ООН, чтобы предать его мученической смерти. Ни у кого нет сомнений, что в дикой африканской стране, где царят звериные нравы и обычаи, белокожий пленник будет гарантированно растерзан. Никто не может ему помочь. Последняя надежда на майора спецназа ВДВ Лаврова по прозвищу Батяня. Офицер отправляется в знойный Могадишо, где сразу попадает в смертельную переделку. Теперь и его жизнь висит на волоске...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Зверев

Сомалийский пленник

Глава 1

...С чем можно сравнить мрак настоящей тропической ночи? Обычные аналогии – «как крепкий кофе», «как угольный мешок», «словно плотно закрытый погреб» – едва ли в полной мере отражают его непроглядность и, можно даже сказать, величие. Звезды на пронзительно-черном бархате южного неба – чуть ли не с кулак. Яркие, как будто их хорошенько надраили с песочком. Но толку с них никакого. Если с собой нет хорошего фонарика, ничего не увидишь даже на расстоянии вытянутой руки. Или, во всяком случае, почти ничего. А уж если в такую пору встретишься с коренным обитателем этих мест, то его из-за черного цвета кожи не разглядишь, даже глядя в упор. Вот такая она, эта Африка!.. Вот такой он, этот экватор, едри его!.. Как же вы далеки от родных, средних широт!..

Подобные мысли бродили в голове седоватого, основательно загорелого мужчины европейской наружности, который поздним вечером стоял у окна одной из гостиниц сомалийского города Могадишо, все еще числящегося столицей фактически распавшегося государства. Дымя сигаретой, через тонкую противомоскитную сетку, которую пытались протаранить бесчисленные орды кровососущих крылатых насекомых, постоялец гостиницы смотрел на звезды, на редкие огни окон соседних домов и еще более редкие огни уличных фонарей. Свою работу в этой несчастной стране, изодранной в клочья из-за амбиций местных «уездных атаманов» и шкурно заинтересованных в творящемся здесь хаосе заморских политиканов, он уже почти закончил. Еще неделя, и он с чувством выполненного долга отправится домой.

А что? Миссия ООН, членом которой он был, свою работу выполнила неплохо. Гуманитарная помощь, доставленная сюда международным сообществом, дошла до конкретных ее получателей, удачно миновав липкие лапы местных жуликов, как при чинах, так и без оных. Теперь продуктовая и медикаментозная помощь вместо того, чтобы, вынырнув где-то на местном черном (в смысле – криминальном) рынке, обогатить алчных мерзавцев, которым безразличны проблемы их обездоленных сограждан, хоть на какое-то время станет спасательным кругом для сотен и тысяч нищенствующих сомалийских семей.

Правда, кое-кто таким вот итогом работы этой контрольной группы ООН остался очень недоволен. Ранее среди ооновцев встречались «сговорчивые» люди, которые в той или иной мере являли «понимание» запросов сомалийского криминалитета, по причине чего некоторая часть помощи – порой до половины ее общего объема – таинственным образом исчезала в неизвестном направлении. А тут, как на подбор, все трое оказались людьми до неприличия честными и до безобразия неподкупными. Они категорически отвергли как тонкие, дипломатичные намеки одного из крупных, правительственных чиновников, так и неприкрыто-грубые угрозы здешних бандюганов.

Но теперь уже все позади. Грузы доставлены к месту назначения, нужные бумаги оформлены. Осталось написать отчет и сдать его в секретариат фонда помощи странам Африки. Господи, как она уже утомила, эта страна нескончаемого лета! Здесь, у экватора, оно длится круглый год. Поэтому об иных сезонах можно узнать лишь по некоторому изменению погоды. Здесь два раза в год случаются периоды засухи, с которыми чередуются два довольно долгих периода дождей, когда лужи расплываются до самого горизонта, а по грунтовым дорогам порой не пробьешься и на трехосном вездеходе. Как же порой хочется пройтись морозным днем по заиндевело-скрипучему снежному насту! Чтобы от ледяного российского ветерка перехваты-

вало дыхание, а вокруг все сверкало ослепительно-белым серебром зимнего убранства северной природы...

Ничего, ничего! Осталось уже немного. Скоро на белоснежном воздушном лайнере все трое они отправятся по домам. Кто – в Москву, кто – в Париж... Впрочем, хватит мечтать. Надо лечь и постараться уснуть, несмотря на нестерпимую липкую жару – кондиционер почему-то вдруг забарахлил, а мастер по их починке так и не явился. Да и противный писк moskitov, неведомо как сумевших пробраться в гостиничный номер, едва ли кого мог убаюкать. Эти порождения ящика Пандоры прямо точь-в-точь – незаконные мигранты, ухитряющиеся миновать барьеры и препоны бдительных миграционных служб. Как же они достали, эти мерзкие кровососы, не страдающие расовыми и иными предрассудками, одинаково алчно потребляющие кровь и азиатов, и африканцев, и европейцев!

Погасив окурок и намочив в ванной простыню, постоялец гостиницы с наслаждением до макушки завернулся в чуть прохладную ткань и лег на постель. Слушая раздражающее, настырное пение комарья, он вспомнил старую байку о том, как на лесном кладбище собрались вампиры, упыри и вурдалаки, намеревающиеся выяснить, кто из них ловчее умеет сосать кровь. Но нечисти этот «симпозиум» пришлось закончить, едва его начав – комары всех одолели...

Сон долго не шел. Приходилось мысленно считать то овец, то верблюдов, а то и африканских слонов. Через окно, из-за жары открытое настежь, свободно вливались звуки ночного города. В основном это было пение множества цикад, которым как бы подпевали горластые древесные лягушки. А еще откуда-то издали доносился рокот тамтамов, извещающий о том, что не все этой ночью намерены предаваться скучной дреме, предпочтя ей веселые, зажигательные танцы у костра. Впрочем, тамтамы звучали и минувшей, и позапрошлой ночью. Создавалось впечатление, что эти барабаны есть везде, где только ступила нога африканца.

...Примерно в это же время по улочкам Могадишо в сторону гостиницы, приглушенно светя одними лишь подфарниками, направлялись два больших черных джипа с тонированными стеклами. Пассажиры переднего, внимательно всматриваясь в окружающую обстановку, время от времени о чем-то негромко меж собой переговаривались. Задавал тон крупный, толстоплечий с бычьей шеей африканец, или, как издавна повелось именовать в России, – негр, в натовском камуфляже, с камуфляжным беретом на голове. Его подчиненные – четверо соплеменников, включая и шофера, – тоже в военной форме, обсуждали некое щекотливое дело, которое в данный момент они и собирались проверить. Ни у кого из сидящих в кабине не было и намека на какие-либо опознавательные знаки или знаки различия. Зато у каждого имелся небольшой автомат типа израильского «узи».

Разговоры ночных путников в основном касались степени риска, который был неизбежен с учетом того, что они намеревались совершить. Впрочем, какого-либо страха не выказывал ни один. А что толку бояться? Бог человеку жизнь дает, по его же воле ее могут и отнять в любой момент. К чему тогда тревожиться? Главарь, которого прочие уважительно величали «капа» – от итальянского «капо», «начальник», – говорил отрывистым, хрипловатым тенором, не совсем подходящим для его громоздкой фигуры. Такому верзиле впору было бы иметь мощный бас. Но «капа» это обстоятельство ничуть не тяготило. Его имя в определенных, довольно осведомленных, кругах наводило такой ужас, что даже говори он писклявым альтом, едва ли кто и за глаза позволил бы себе по данному поводу неуважительную ухмылку.

Миновав очередной проулок, джип свернул на довольно широкий проспект и, прокатив по нему несколько сот метров, вновь свернул в улочку, вдоль дороги густо поросшую разнокалиберными кактусами, фикусами и пальмами. Без ненужного в такой ситуации скрипа тормозов шофер плавно притормозил неподалеку от трехэтажного здания возведенного много лет назад в стиле барокко. Его окна были непроницаемо темны в отсветах одного-единственного

фонаря, установленного не遠далеке от здания над парковочной площадкой в этот час совершенно пустой.

Лишь в глубине стеклянного вестибюля, выпирающего из стены на обширный пандус, простирающийся перед входом, был виден не очень яркий свет. Над входом в здание разноцветными лампочками переливалась вывеска, которая латинскими буквами извещала о том, что это «Отель «Леон». Тут же россыпь других лампочек образовывала контуры гордо шествующего по саванне царя зверей.

Выйдя из машины, своих подручных из шедшего сзади автомобиля «капа» отправил в разные стороны, чтобы те присматривали за обстановкой на улице – мало ли чего? Вдруг, как-то так, некстати, появится полицейский патруль? Сам же, надев маску с прорезями для глаз, с прочими пособниками, которые тоже натянули на лица маски, направился к входу в гостиницу. Заметив в глубине вестибюля прохаживающегося взад-вперед охранника – худоватого парня с жилистыми руками, «капа» властно постучал в стеклянную дверь.

Тот на некоторое время приостановился, удивленно глядя в сторону входа, после чего, доставая из кобуры потертый «кольт», направился к вестибюлю. Однако увидев нацеленные в его сторону стволы автоматов, растерянно замер, опустив свое оружие.

– Открывай! – тоном, не терпящим возражений, на местном кушитском наречии приказал «капа». – Военная контрразведка. Проверка состава постояльцев. Чего топчешься?

Охранник неохотно открыл задвижку, и ночные визитеры решительно шагнули внутрь. Не проронив больше ни звука, на ходу, «капа» коротко ударил парня по темени рукоятью автомата. Охранник рухнул как подкошенный. Подручные главаря его подхватили и, оттащив в сторону, посадили в угол. Точно так же были нокаутированы еще двое охранников.

Портье, который до этого мирно дремал за своей стойкой, проснулся и с испуганным удивлением наблюдал за происходящим. Он мог бы рискнуть и за то время, пока «капа» раздвигался с охранниками, попытаться позвонить в полицию. Но сообразив, что за гость пожаловал в отель, не посмел даже шелохнуться. Подойдя к нему, «капа» жестко поинтересовался:

– Где живут ооновцы? Номера комнат! Живо!

– На втором этаже, двести первая, двести вторая, двести третья... – обреченно прошептал тот. – Господин! Вы их собираетесь допросить здесь или забрать с собой? Наш отель всегда считался самым безопасным... Теперь мы можем разориться. Я уже не говорю о том, что придется иметь дело с полицией...

– Интересы страны выше интересов вашей частной лавочки! – угрюмо уведомил «капа» портье, измерив его недовольным взглядом. – Показывай!

Втроем они поднялись на второй этаж и, пройдя в конец коридора, остановились у резной двери, сработанной из какого-то дорогого сорта дерева, на которой были прибиты начищенные медные цифры.

– Здесь живет господин из России, – все также потерянно сообщил портье. – А в этих двух – господа из Франции.

– Стучись к русскому и скажи, что... Что его вызывают в вестибюль к телефону, – приказал «капа», сделав знак своим подручным, чтобы те спустились на первый этаж.

Постучав по полированному дереву костяшками пальцев и услышав донесшийся из-за двери мужской голос, портье на ломанном английском сообщил, что «мистера Толина» срочно зовет к телефону какая-то ему неизвестная «мистера». Что-то буркнув, тот через минуту открыл дверь и, заправляя рубашку, вышел в коридор. Увидев нацеленный в его сторону ствол автомата и портье с посеревшим, искаженным лицом, он сразу все понял. Не закатывая истерик и не паникуя, русский строго поинтересовался, в чем, собственно, дело.

«Капа» на ломаном английском с апломбом уведомил, что он арестован военной контрразведкой как подозреваемый в шпионаже. Окинув «контрразведчика» внимательным взглядом, русский столь же спокойно попросил показать ему официальный документ, обосновываю-

щий его арест. Потеряв терпение, «капа» показал автомат и прошипел, что ему для задержания шпиона достаточно одного этого «документа» и чего-то иного он предъявлять не намерен. Заставив русского стать лицом к стенке, он обшарил его карманы и приказал портье стучать в следующую дверь.

Что-то ворча на своем родном языке, француз вышел в коридор и, увидев вооруженного чужака в маске, удивленно воскликнул:

– Кесь ке се, месье?! Кесь ке се (что это значит)? Вот из ит? – добавил он по-английски.

Но «капа», как видно уже растратив свой разговорный запас, лишь молча толкнул его к стене и, обшарив карманы, забрал из них бумажник и сотовый телефон. Когда француз попытался что-то спросить у русского, «капа» нервно оглянулся и злобно прорычал:

– Сайлонс (молчать)!

...Сотрудники миссии ООН, понукаемые неизвестным, спустились по лестнице на первый этаж, где они увидели поджидавших их еще нескольких типов в масках, но помельче, чем «контрразведчик». Следом за «капа», поминутно вздыхая, спустился вконец расстроенный портье. Теперь их гостинице светили крупные неприятности, а ему самому – долгие, пристрастные беседы с полицейскими и, скорее всего, увольнение с работы. Разумеется, с голоду он не умрет. В Сомали, где родство ценится очень высоко и родственные связи поддерживаются не то что до седьмого – до семнадцатого колена, кто-нибудь, где-нибудь, как-нибудь поможет ему найти какую-нибудь работу. Но здесь-то, в отеле, место портье было как нигде «хлебным», которое позволило год назад послать на учебу внуку в один из итальянских университетов. А теперь-то что будет?

Поэтому, невзирая на свирепый запрет «капа» звонить в полицию, едва захлопали дверцы джипов, в которые похитители затолкали связанных ооновцев, портье схватился за телефон. Набрав номер полицейского участка, он торопливо рассказал о случившемся. Когда в холл отеля вошли трое насупленных, недовольных столь поздним вызовом стражей порядка, портье старательно бинтовал голову охранника, рассеченную ударом рукояти автомата. Не спеша, составив бумаги и позевывая, полицейские удалились.

Впрочем, наутро они примчались в гостиницу совсем другие – встревоженные, злые, нервные. Судя по всему, их вчерашнее благодушие и сонливость вышестоящее начальство по достоинству оценить не захотело. Но если ночью еще хоть что-то можно было сделать, то теперь, что называется, поезд ушел. За это время похищенных могли увести в любой, самый дальний уголок Африканского Рога. Исписав еще кучу бумаг и вдоволь наоравшись и натапавшись ногами, с чувством достойно выполненного долга полицейские отбыли в свой участок.

А еще пару часов спустя и в ООН, и в диппредставительства сразу двух европейских стран ушли депеши, извещающие о похищении неизвестной бандой троих сотрудников миссии ООН по контролю за поставками и распределением гуманитарной помощи. В офисах некоторых ведомств Нью-Йорка, Москвы и Парижа тут же начали тревожно звонить телефоны, кто-то кому-то докладывал о случившемся, кто-то кого-то обязывал «принять все меры и приложить все усилия к розыску и немедленному освобождению заложников», и т. д., и т. п. – началась обычная рутина дипломатической чехарды...

* * *

Уф-ф-ф-ф!.. Чх-х-х-х-х!.. Г-гульк!.. – на разные голоса сердито реагировало одно из болот в глухих лесах правобережья Средней Волги, когда его обширный простор, доступный лишь комарью да болотной птице, начала форсировать большая группа людей в маскировочной форме. Глядя со стороны, можно было подумать, что это члены какого-нибудь «клуба самоубийц» решили поразвлечься таким, весьма своеобразным способом. В самом деле, в окрест-

ных селах это болото иначе как Чертовой Пастью и не называли, ибо всякому было хорошо известно, что отправившийся в ту сторону, домой не возвращается.

И тем не менее, несмотря на мрачную славу места, где за долгие века нашли свой мучительный конец сотни и человеческих, и коровьих (а возможно, и лосиных, и медвежьих, и кабаньих) душ, именно здесь командир учебного спецбатальона ВДВ, майор Лавров, он же – Батяня, решил провести практические занятия по форсированию непроходимой местности. Когда «Урал» с брезентовым верхом остановился на поляне, за которой простиралась не слишком живописная равнина, поросшая болотной травой да кое-где чахлыми, кривоватыми березками и осинками, солдаты невольно напряглись, окидывая взглядом не слишком гостеприимный пейзаж.

– ...Что, сынки, в пятках засвербело при виде этой страхоглядной болотины? – выйдя вперед с биноклем в руках, чуть насмешливо спросил Батяня. – Да, парни, тут не плац для отработки строевого шага. Тут вообще, любой неудачный шаг может стать последним в жизни.

Он внимательно осмотрел Чертову Пасть и, обернувшись к притихшему взводу, буднично объявил:

– Объект форсирования все рассмотрели? Да, сынки, грязевая полоса препятствий на нашем полигоне и в подметки не годится этому «дару природы». Тут нужно быть не только проворным, внимательным, осторожным, осмотрительным, но еще и абсолютно свободным от тревоги и страха, в болоте не следует лихорадочно дергаться, гадая, повезет – не повезет, а за счет своей интуиции, работающей на полную мощность, нужно заранее чувствовать: куда соваться следует, а куда нет. Ясно? Поэтому прошу всех еще раз взвесить свои силы, и, прежде всего, духовные, – по плечу ли такая нагрузка? Если у кого-то есть сомнения, то лучше остаться здесь. Упрекать ни в чем не буду – тут опаснее, чем на минном поле.

Но ни один из спецназовцев отказаться от опасного маршрута желания не изъявил. Под руководством Лаврова парни вырубили себе в окрестных зарослях длинные шесты с развилкой на конце и занялись изготовлением из лозы чего-то наподобие полуметровой ширины «плетней», примерно в человеческий рост длиной. Когда все было готово, Батяня охватил ствол ближней к трясине березки длинным, крепким шнуром, а его оба свободных конца привязал к толстому, литому металлическому кольцу. Раскрутив кольцо наподобие пращи, запустил его в сторону топи. Пролетев несколько десятков метров, вдвоенный шнур лег на травянистые кочки и опасного вида лужайки, покрытые тонкой, чахлой, реденькой травкой – интуиция подсказала Батяне, что здесь могут быть очень опасные ловушки и поэтому он решил прибегнуть к дополнительной страховке.

– Ну что, вперед? – ободряюще улыбнувшись, Лавров первым шагнул на чавкающий и хлюпающий торфяник, погружаясь берцем в буроватую, липкую жижу.

Следом за ним, след в след, помогая себе шестом, двинулись остальные. И пошло, поехало... Обходя видимые невооруженным глазом грязевые «окна» трясин, перебираясь, порой ползком по гати, настеленной из заранее заготовленных «плетней», оперативно вытаскивая из ненасытной пасти болота ухитрившихся туда влететь бойцов, взвод, с ног до головы покрытый торфяной грязью, упорно приближался к конечной цели своего путешествия...

Эти три с половиной километра бойцы смогли бы преодолеть по суше за считанные минуты. А вот здесь, на болоте, с его коварными грязевыми «капканами», время шло совсем по-другому, и каждый сделанный шаг казался невероятной удачей.

...Когда измученная этим путешествием по топям толпа людей наконец-то ощутила под собой твердь, оказалось, что по болоту они пробирались около четырех часов.

– Отлично, парни! – все так же жизнерадостно улыбаясь, воскликнул Батяня. – И по технике продвижения, и по его темпу. Представим себе, что совсем рядом с этим местом – штаб условного противника. Он уверен, что здесь не пройти и хваленым натовским «тюленям». И тут – вдруг, откуда ни возьмись... мы.

Спецназовцы рассмеялись. Сразу же спало нервное напряжение, появилось желание искупаться в чистой воде и подкрепиться.

Через полчаса у расположенного неподалеку лесного озера эхо разнесло на всю округу веселую разногласицу десантников, раздался громкий плеск воды, от падающих в нее крепких мужских тел, а в воздухе распространился аппетитный дымок костра...

Спецназовцы, развесив по окрестным кустам отстиранную от грязи форму и берцы, сидели у огня и, под перестук ложек, обменивались впечатлениями о только что проделанном пути. Лавров уже поел, когда зазвонил его сотовый.

– ...Андрей, что там у тебя случилось? – голос генерала Федина, можно сказать, являл собой живой укор и скорбный упрек. – Уже час до тебя не могу дозвониться. Ты где?

– В лесу... – усмехнувшись, лаконично уведомил Лавров. – Мы только что принимали лечебные грязевые ванны в комплексе с гирудотерапией.

Последнее относилось к сержанту Грехову, к которому неведомо как под одежду сумела пробраться пиявка и присосаться к его левой ягодице, что было обнаружено уже здесь, у озера. Поняв, о чем идет речь, спецназовцы (за исключением досадливо наморщившегося Грехова) вновь рассмеялись.

– Понятно... – констатировал Федин. – Болото, что ль, форсировали? Ну и как? Все нормально? Молодцы! Вон, слышу, ржут, как табун дончаков. Значит, чувствуют себя орлами, а не мокрыми курицами. Отрадный факт. Ну а нам с тобой надо бы срочно встретиться. Когда будете у себя на базе?

– Только завтра утром – поедем же на поезде.

– Нет, надо увидеться сегодня. Тут... В общем, есть срочное дело, не терпящее отлагательства. Давай так. Сейчас едете в Нижний? Отлично! Ребята пусть добираются до базы на поезде, а насчет тебя я там с кем надо договорюсь, доставят к нам на автотранспорте в режиме «аллюр – три креста». Жду!

...Уже вечерней порой войдя в кабинет Федина, Андрей увидел там незнакомого мужчину в штатском костюме. Ответив на его приветствие, генерал Федин со значением в голосе уведомил своего гостя:

– Вот человек, о котором я вам говорил. Командир учебного батальона спецназа ВДВ Андрей Лавров.

Поднявшись с места, тот подал руку и представился:

– Кузьмичев Иван Кириллович, Министерство иностранных дел.

– Андрей, Иван Кириллович попросил меня найти человека, которому бы можно было доверить дело любой важности и сложности. В общем, есть крайняя нужда в сорви-голове. Нужен человек для выполнения, в чем-то, скажем откровенно, невыполнимого задания. Я посчитал, что таковым можешь быть только ты.

– Слушаю... – буднично ответил Лавров, как будто речь могла идти о завтрашней поездке на рыбалку.

– Пару дней назад в Сомали неизвестные похитили ночью из гостиницы города Могадишо троих сотрудников миссии ООН, среди которых есть и наш соотечественник, – утирая лоб белоснежным платком, удрученно сообщил Кузьмичев. – Это Долин Юрий Сергеевич, опытейший специалист по международным связям. Помимо своей основной работы в качестве члена контрольной комиссии по распределению гуманитарной помощи, он попутно выполнял поручение нашего МИДа на предмет выяснения расстановки в стране политических сил и возможности открытия в Могадишо нашего представительства...

Далее он рассказал о том, что и причины похищения, и тех, кто его совершил, сомалийской полиции установить не удалось. Никто не выдвигал никаких требований, условий, никто не заводил речь о выкупе. Неизвестным пока остается и место нахождения похищенных, а также самое главное – живы ли они на этот момент. Учитывая, что помимо русского похи-

щены двое французов, наш МИД надеется, что и Франция предпримет какие-то активные действия по поиску и освобождению ооновцев. Но... Достоин ли великой державы «ждать у моря погоды», надеясь на то, что кто-то поднатужится и освободит заложников? Тем более, если с самого верха был дан однозначный приказ: найти и освободить, бросив на это лучшие силы.

– М-да-а-а... Задание, конечно, такое, что – хоть стой, хоть падай... – покрутив головой, резюмировал Федин. – Хуже не придумаешь – тропическая страна, где европейца видно за версту, где нет ни власти, ни государства как такового. И вот там надо найти иголку в стоге сена. Да еще и самому не затеряться. Мрак! Ну, что скажешь, Андрей?

– Надо в Сомали – съезжу в Сомали, – спокойно уведомил Лавров, чуть пожав плечами. – Ведь, я так понимаю, лучше всего ехать туда одному? Ну, чтобы кому-то там не мозолить глаза. Ведь туда надо или вводить целую армию с авиацией и тяжелой бронетехникой, или, наоборот, сработать так, чтобы этого никто не заметил. То есть – ехать в одиночку.

– Ну, в принципе, ты прав, – кивнул генерал. – На территории Сомали лучше работать одному, чтобы нигде об этом ни шороха, ни писка. Но все же, мне кажется, где-то рядом, скажем, на наших военных судах, которые дежурят в Аденском заливе, следовало бы разместить пару взводов спецназа. Мало ли чего? Вдруг понадобится поддержка?

– Да, в принципе, неплохо бы!.. – согласился Андрей. – Помощь лишней не бывает. Кстати, Иван Кириллович, а наши спецслужбы в этом направлении какую-то работу ведут?

– Разумеется... – почему-то став задумчивым, кивнул тот. – Их мобилизовали в первую очередь. Правда, говорят, нашей нелегальной агентуры на сегодня в Сомали нет вообще. Собственно говоря, именно поэтому мы и обратились к вам. Речь не о том, чтобы сработать, так сказать, «в пику» нашей внешней разведке или каким-то другим «конторам». Просто наше руководство решило в порядке ведомственной инициативы подстраховаться от возможных форс-мажоров. А о вас я сегодня услышал много впечатляющего, и, мне кажется, ваше участие в решении этой проблемы могло бы дать дополнительные гарантии успешного завершения истории с похищением.

– Ну, тогда давайте обсудим конкретные детали, – уже настраиваясь на предстоящую поездку в страну, где до этого бывать еще не доводилось, сдержанно предложил Лавров.

Глава 2

Пассажиров, прибывших в аэропорт Боле авиарейсом из Рима, погода встретила пылающим на бездонном, синем африканском небе солнцем. Впрочем, обжигающее тропическое светило для Лаврова было не в диковинку. Почти такое же палящее солнце он видел и в Бразилии, и здесь же, на Африканском континенте, когда освобождал автогонщиков на «Дакаре». Давненько, надо сказать, он здесь не был...

Правда, несмотря на свою принадлежность к тропикам, Аддис-Абеба, как ощутил Лавров, выйдя на трап с пластмассовым навесом, поданный к самолету, была в чем-то под стать тому же Риму, откуда несколько часов назад он вылетел на «Боинге» итальянских авиалиний. Теплый, летний ветерок совсем не напоминал свирепого самума на севере континента, вырывающегося из песчаных далей вселенской пустыни Сахары. Ему даже показалось, что он никуда и не улетал из Италии. Просто самолет приземлился в другом итальянском городе – здешний аэропорт выглядел под стать какому-нибудь крупному европейскому. Лишь обилие статных людей с шоколадной кожей самых разных оттенков и в местной национальной одежде говорило о том, что это все-таки Африка.

Заполнив на таможне классический вариант иммиграционной карточки и тут же, без каких-либо проволочек за двадцатку баксов оформив визу, Андрей вышел из здания аэропорта на прилегающую к нему площадь. Добираться до Сомали столь сложным маршрутом – через Италию и Эфиопию – было решено по ряду причин. Как подозревали в российском МИДе, к похищению могли быть причастны исламисты, примыкающие к «Аль-Каиде», и спецслужбы некоторых фундаменталистских исламских государств. Поэтому была срочно разработана легенда, согласно которой Андрей Лавров – русский журналист, постоянно проживающий во Франции и работающий на одно из тамошних частных информагентств.

Теперь, согласно французскому паспорту, в подлинности которого не смогла бы усомниться даже самая придирчивая экспертиза, он значился как Андрэ Лаврофф. Всего через сутки после разговора с генералом Фединым и мидовцем Кузьмичевым Лавров вылетел из Москвы в Рим, где, некоторое время поплутав и не обнаружив за собой «хвоста», взял билет на рейс до Аддис-Абебы. Теоретически можно было махнуть и в Кению, тоже граничащую с Сомали. Но, по мнению Кузьмичева, Эфиопия была предпочтительнее уже тем, что там было легче решить вопрос с переброской в Могадишо. По достоверным данным в Аддис-Абебе можно было найти какую-нибудь мини-авиэтку, способную за определенную сумму в долларах доставить в любую точку Африканского Рога.

И вот он здесь, в высокогорной столице восточноафриканского государства. Окидывая взглядом людную площадь, по всему периметру обставленную джипами, мини-фургончиками маршруток и множеством сине-белых российских «копеек» с шашечками такси, Лавров подумал о том, что самое реальное в данный момент – взять толкового таксиста, который помог бы ему выйти на подходящего авиаизвозчика. Мимо него взад-вперед непрерывно сновали десятки человек: европейцев, азиатов, африканцев, одни из которых были одеты в свои национальные костюмы, другие – в ставший обычным для многих стран мира типично европейский ширпотреб. Кругом звучала разноязычная речь, откуда-то доносилась неприятная для уха европейца африканская музыка.

За площадью, на некотором возвышении здешнего рельефа виднелись какие-то постройки наподобие жилых коттеджей, кафе и магазинов в окружении зелени. А за вершинами деревьев, где-то в отдалении, на пологом, зеленом склоне горного хребта, белела россыпь городских кварталов столицы Эфиопии. От аэропорта она была километрах в пяти – не более. Скорее всего, туда можно было бы доехать и на маршрутке. Но, в общем и целом, в эфиопской столице Андрею делать было нечего. Эта точка на карте Африки для него была всего лишь

перевалочным пунктом, последним осколком цивилизации на пути в царство хаоса, каковым представлялась соседняя страна...

Совсем рядом с Андреем по ступенькам широкой лестницы к площади спустилась небольшая компания местных девушек в традиционных «габи» – светлых хлопковых палантинках с украшающими их красно-желто-зелеными поперечными полосками и намотанными на голову легкими, многоцветными полосатыми шальями «шамма». Девушки обратили внимание на импозантного молодого мужчину в легком белом костюме и белой шляпе, стрельнув в его сторону своими большими черными глазами. Поймав их взгляд, Лавров улыбнулся и, приподняв шляпу, чуть склонил голову. Те, весело, белозубо рассмеявшись, приветственно помахали ему рукой и пошли дальше, о чем-то оживленно разговаривая меж собой.

«Смотри, какие тут симпатяшки водятся! – глядя им вслед, мысленно отметил Андрей. – Глазищи – ух! – аж насквозь прожигают. Однако надо идти к таксистам... Кого ж из них выбрать?»

Он еще раз всмотрелся в каждого из мельтешащих у своих авто местных водил и, обратив внимание на коренастого, с умным, живым взглядом, больше похожего даже не на эфиопа, а на чрезмерно загорелого жителя Подмосковья, решительно направился к нему.

– Привет! – по-русски обратился Лавров, откуда-то внутренне зная, что этот аддис-абебец русским владеет. – До города сколько возьмешь?

– Сто бырр! – без малейшей натуги, по-русски категорично ответил тот. – Бензин, знаешь ли, сейчас очень дорогой...

– Вообще-то, насколько мне известно, у вас тут берут полста бырр, – усмехнулся Андрей. – Но я тебе дам двести, если отвезешь меня к человеку, который сможет по воздуху отправить меня в Могадишо.

– Триста – и ты прямо сейчас познакомишься с самым лучшим воздушным извозчиком в наших краях! – гордо заявил таксист.

– По рукам! – согласился Андрей. – Едем!

С явным сожалением – и что ж сдуру не запросил больше? – таксист, назвавшийся «Васей», плюхнулся за руль своей «копейки», и они помчались по отменного качества шоссе в сторону Аддис-Абебы. Шоссе то шло на спуск, то взлетало вверх, то огибало обрывистые, каменные холмы и глубокие лощины. Здесь, на плоскогорье, вознесшемся над уровнем моря почти на два с половиной километра, некоторую, пусть и едва заметную, разреженность воздуха чувствовали не только легкие впервые сюда прибывших, но и моторы машин, которые на подъемах выдавали заметно меньшую мощность, нежели на степной равнине.

В город вела многополосная автострада с обилием бегущих по ней авто, среди которых встречались как ультрасовременные модели, так и старые рыдваны, выпущенные лет сорок назад еще советским автопромом. Аддис-Абеба вблизи оказалась вполне современным городом. По улицам, вдоль многоэтажек то здесь, то там тянулись ряды эвкалиптовых аллей.

Вырулив на одну из одноэтажных улочек, таксист остановился у небольшого коттеджа, отделанного розовым камнем, который в окружении фруктовых деревьев высился над каменной оградой с железной калиткой, окрашенной в синий цвет. «Вася» подошел к калитке и нажал на кнопку звонка. Менее чем через минуту на улицу вышла женщина – молодая, эффектная эфиопка, которая, выслушав «Васю», что-то сокрушенно ему пояснила.

Сев на место, таксист досадливо крикнул и уведомил Лаврова о том, что его приятеля дома нет – где-то в ангаре тот чинит свою авиэтку, пострадавшую от автоматной очереди, выпущенной над сомалийской «зеленкой». Вообще-то, представителей СЛА – сверхлегкой авиации даже над мятежными просторами Сомали предпочитали не трогать. Услугами этих полуизвозчиков-полуконтрабандистов пользовались очень многие. Им можно было сбыть нелегальными путями добытые ценности, заказать какую-нибудь навороченную электронику или дефицитное лекарство и многое другое.

– Хреново дело... – размышляя о чем-то своем, констатировал Андрей. – Какие-то варианты еще есть?

– Есть, только ехать придется в Джимму, это почти четыреста километров отсюда, – испытующе посмотрев в его сторону, сообщил «Вася». – Меньше чем за три сотни... не бырр – баксов! – не соглашусь. И то, если найдутся пассажиры на обратный путь. Но там есть сразу двое летунов. Их я тоже знаю очень хорошо. Правда, аппараты у них не очень – уже изношенные донельзя. Но до места доставят. Едем?

– Едем! – твердо сказал Лавров.

...Выехали они уже во втором часу дня, когда солнце перевалило на западную часть небосклона. За это время «Вася» успел загрузить в багажник машины несколько канистр бензина – в саванне найдешь ли бензоколонку? Закинул в кабину и пару запасных колес – а вдруг какой-нибудь разгильдяй надумает рассыпать по всей дороге ящик гвоздей? Впрочем, судя по всему, в Эфиопии подобное было едва ли возможно. Не тот уровень жизни, чтобы разбрасываться гвоздями.

Пока «Вася» готовил свою «копейку» к путешествию в Джимму, Андрей подкрепился в одной из харчевен на окраине Аддис-Абебы, где к запахам готовящегося съестного обильно примешивались ароматы, которые в России принято считать церковными: фимиама, мирра и ладана. Благовония курились прямо в зале на особой жаровне. Лаврову к столу подали некую «инджеру-вотт» – широченную лепешку, поверх которой в испепеляюще-остром соусе утопали куски курятины и рыбы, после чего принесли кофе.

«Вася» появился в дверях харчевни, когда ее хозяин уже почти уговорил «даррого рускага госта» заказать некую теллу, по виду напоминающую пиво. Уведомив Лаврова о том, что они могут отправляться в путь, таксист о чем-то строго уведомил хозяина харчевни, и тот тут же, пожав плечами, удалился.

– Теллу в дорогу пить не стоит, – пояснил «Вася». – Это как бы пиво, но действует почти как русская водка. А кофе ты пил? Ничего, все нормально? А то у нас, бывает, добавляют в него травку «здоровье Адама», после чего может потянуть на такие «подвиги»!..

«Ни хрена себе! Отобедал, называется...» – мысленно резюмировал Андрей, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Но, насколько он смог понять, в его кофе никакой травки не добавлялось.

Машина летела по шоссе, которое, к удивлению Лаврова, могло бы оказать честь и иным областным в российских регионах. По словам «Васи», дорогу строили то ли японцы, то ли южнокорейцы. Причем быстро и, что самое главное, качественно. Ранее, добавил таксист, ехать в Джимму он бы не согласился и за тысячу баксов – до того она была извилиста и испещрена всевозможными ямами и колдобинами. В сухую погоду за машинами тянулось плотное облако желтой пыли, поэтому, чтобы не глотать ее, оказавшиеся сзади шли на обгон, можно сказать, вслепую – на авось.

«Копейка» то взмывала на высокие, опаленные солнцем холмы, то ныряла в зеленые, дышащие свежестью долины. В некоторых местах она тянулась по африканской степи – саванне, по которой то здесь, то там в отдалении бродили представители местной фауны. Нахалюги-бабуины с мордами, напоминающими собачьи, и голым красным задом, не боящиеся ни машин, ни людей, перебегали дорогу, где им вздумается. Что-то сердито ворча, «Вася» свое временно давил на педаль тормоза. И не столько из-за своего особого гуманизма, сколько из-за того, что соприкосновение на полном ходу с шести-семипудовым самцом могло привести к заносу и кулбиту машины в кювет.

Рассматривая пробегающих вдаль через заросли высокой травы зебр и винторогих антилоп, неспешно шествующих буйволов, то здесь, то там лениво взмывающих в воздух падальщиков – грифов и марабу, Андрей слушал «рассуждалки» таксиста, ударившегося в философствования.

– ... Думаешь, эфиоп по деду Пушкин случайно стал великим русским поэтом? Фигушки! Просто у русских и эфиопов много общего в менталитете. Вот, о работе русские какого мнения? Работа не волк, в лес не убежит. Или, например, говорят, что от работы кони дохнут. А у нас? Да то же самое: лучше сдохнуть от голода, чем от работы. Во как!

По пути к Джимме они миновали несколько провинциальных городков и селений, одни из которых были относительно зажиточными, здесь, как пояснил «Вася», обитали оседлые племена, другие напоминали «фигвамы» российских бомжей, какие те обычно из всевозможных подручных средств возводят себе вблизи городских свалок. Тут, как оказалось, жили кочевники, которым незачем было строить что-то долговечное.

Увидев у дороги весело улыбающихся и приветственно машущих им людей, таксист вдавил в пол акселератор, и машина миновала «бомж-таун», как Лавров про себя прозвал это селение, на полном ходу.

– Тут не дай бог остановиться! – «Вася» досадливо мотнул головой. – Это одно из селений племени оромо. Во-первых, нищета беспросветная – все выпросят и выманят, ахнуть не успеешь. Во-вторых... Чего доброго, понравишься какой-нибудь здешней особе, начнет улаживать, чтобы принял участие в ритуале, который называется «убить дракона». А отказать – значит ее обидеть, со всеми вытекающими последствиями.

– Это что за ритуал? – не понял Андрей.

Поморщившись, как от зубной боли, православный христианин «Вася», о чем свидетельствовал его нательный крестик за воротом рубахи, бегло пояснил, что оромо, придерживающиеся языческих верований, практикуют свальный грех, что, разумеется, для человека цивилизованного совершенно неприемлемо. С этим Лавров согласился охотно – «убивать дракона» с красотками из «бомж-тауна» ему едва ли захотелось бы...

Но еще большее впечатление на него произвело повествование «Васи» о первобытных, обитающих в глубине джунглей племенах, которые живут по обычаям каменного века, не признавая никакой власти, кроме власти своих вождей. Эти люди не знают, что такое государственные границы, поклоняются идолам, совершают человеческие жертвоприношения и не чуждаются каннибализма.

– ... В Сомали таких племен около пяти. Сейчас, когда там идет война и фактически нет никакой власти, эти у-даппо совсем обнаглели. Если раньше они боялись даже близко подойти к селениям, где живут обычные сомалийцы, то теперь, я слышал, иной раз даже похищают людей для того, чтобы съесть.

– И что же, никаких мер принять нельзя? – с сомнением спросил Андрей.

– Они появляются в основном по ночам, поскольку видят в темноте, как кошки. Они умеют бесшумно подкрадываться к своим жертвам, а затем исчезают, не оставляя никаких следов. Когда какие-либо вооруженные группировки натываются на стойбище такого племени, то уничтожают его поголовно, вплоть до грудных.

– Никогда об этом не слышал... – Лавров был поражен услышанным. – А они как-то отличаются от обычных жителей Сомали?

– Да, отличаются... – кивнул таксист. – У-даппо на голову ниже ростом, но широкие в плечах и сутулые, а кожа у них цвета сажи, в то время как у сомалийцев и у эфиопов она в основном коричневого оттенка. Считают, что они пришли откуда-то из центра континента. Узнать у-даппо можно по татуировке на лице, сделанной красной и белой краской, а еще по зубам. У них почти все резцы обточены, как клыки. Такие зубы они почитают и называют «змеиными», а обычные, как у нас всех, презирают, называя «обезьянными»...

В Джимму они въехали, когда солнце уже спустилось за горизонт. Что такое африканский вечер (очень короткие сумерки, после которых сразу же наступает настоящая ночь), Андрей уже знал. Но все равно, как уроженец средних широт, всякий раз ощущал внутреннюю неустрашенность от того, что окружающий мир в этот момент напоминает гигантскую комнату, в кото-

рой кто-то бесцеремонно выключил свет. Как тут не взгрустнуть о белых ночах на Неве и знаменитых подмосковных вечерах! Увы.

После неудачного визита еще к одному эфиопскому самодеятельному авиатору – парень только что вернулся из «рейса» и вовсю «оттягивался» в местных барах, пообещав «выйти из штопора» ближе к концу недели, – третий по счету воздушный извозчик оказался и свободным, и, самое главное, трезвым. Не вдаваясь в подробности, он коротко назначил цену: семьсот баксов. Лавров понимал, что тот с него запросил «с запасом», но спорить не стал. Семьсот так семьсот... Куда денешься? Впрочем, как шепотком пояснил ему «Вася», с учетом некоторых обстоятельств – например, участвовавших обстрелов авиэток – назначенную сумму можно было считать приемлемой.

Поскольку уже была глубокая ночь, Лавров и «Вася» заночевали дома у «аэроизвозчика», который выделил им небольшую комнатку в пристройке к его глинобитной, но вполне презентабельной «фазенде». Полночи проворочавшись без сна – одолевали и москиты, проигнорировавшие сетку, натянутую на окнах, да и «Васин» храп никак не напоминал колыбельную, – Андрей уснул лишь ближе к утру.

...И вот они уже в воздухе на крохотном самолетике то ли английского, то ли канадского производства. Уже потускневшая под солнечным пеклом бело-голубая краска свидетельствовала о том, что их авиэтка из «видавших виды». Скорее всего, отлетало это чудо техники не одну тысячу часов.

Бойко рокоча моторчиком, дай бог – с полсотни лошадиных сил, летательный аппаратик шел почти над верхушками деревьев, старательно обходя попадавшиеся на пути селения. Как пояснил перед вылетом африканский авиатор, самолет принадлежит не ему, а некоему очень состоятельному человеку, которому после каждого полета он отдает большую часть заработанного. У хозяина самолета таких авиэток штук пять, и все они постоянно в работе. Сам Рамин, как назвался «аэроизвозчик», еще подростком научился летать у русских. Тогда же он овладел и русским языком. Поэтому общаться с ним было не сложнее, чем с «Васей».

Они мчались на юго-восток. После череды буроватых равнин с бегущими по ним стадами антилоп и то здесь, то там вздымающимися к небу свои корявые кроны баобабами они пересекли довольно широкую реку, правда, по летней поре заметно обмелевшую, на берегах которой вылеживались орды крокодилов. Затем самолетик промчался над озером. Озеро оказалось довольно-таки большим – километров сто в ширину. Если не более того. На его глади курсировали целые флотилии рыбацких лодок всевозможных размеров и конструкций. Время от времени невдалеке от лодок из воды выныривали огромные, как бревна, крокодилы, даже с высоты выглядящие довольно-таки внушительно и пугающе. Но рыбаки в сторону клыкастых чудовищ не смотрели. Они были слишком заняты своим делом, чтобы обращать внимание на подобные пустяки.

Когда авиэтка была уже невдалеке от восточного края озера, Лавров внезапно увидел душераздирающую картину гибели одного из рыбаков. Утлая лодчонка, сделанная из тростника, как видно, приглянулась одному из оголодавших пресмыкающихся. Резко ударив снизу мордой в дно лодки, отчего та взлетела над поверхностью озера более чем на метр, огромный крокодил развалил ее пополам, выбросив в воду испуганно закричавшего рыбака. Но крик тут же оборвался – рептилия, схватив человека за ногу, уволокла его под воду. Соседи бедолаги, ринувшиеся было ему на выручку, успели увидеть лишь водоворот на том месте, где только что был их товарищ...

В ответ на свирепый, непечатный «комплимент», адресованный Андреем прожорливой твари, Рамин лишь пожал плечами.

– Тут это дело обычное... – как что-то само собой разумеющееся, прокомментировал он. – Лодку надо было делать из дерева. Крокодил – зверь очень хитрый – он сразу видит, где легкая добыча. Парень поленился, вот и попал ему в зубы. Крокодил его сейчас таскает по

всему дну, пока он не захлебнется. Потом запихает в свою нору. Ну а завтра вытащит на берег и с аппетитом покусает.

Лавров с омерзением передернул плечами – как же, наверное, тому рыбаку в последний миг жизни было противно осознавать, что он, человек, со всеми своими мечтами, планами, делами, является для какой-то примитивной твари всего лишь куском мяса, которым она намеревается насытить свою прожорливую плоть!

Через пару часов они пересекли еще одну реку.

– Джубба... – лаконично объявил Рамин. – Она течет к океану и впадает в него у города Кисимайо.

Вскоре впереди показалась невысокая горная гряда, почти до самого верха поросшая лесом. Виртуозно маневрируя по ущелью, которое оказалось на пути, Рамин то распевал эфиопские народные песни – надо сказать, получалось это у него весьма недурно, то комментировал качество воздушной трассы. По его словам, у каждого из «аэроизвозчиков» был свой, строго определенный маршрут, поскольку диспетчеров, регулирующих движение мини-авиации, по понятным причинам не имелось. Несколько лет назад, когда этот, не вполне легальный бизнес, еще только во всех смыслах «становился на крыло», как-то в течение всего одного месяца произошло сразу три мини-авиакатастрофы. И тогда хозяева авиэток заключили меж собой соглашение, согласно которому за каждым самолетиком закреплялся свой, только ему принадлежащий маршрут.

– А его все соблюдают, это соглашение? – настороженно вглядываясь в узкий коридор ущелья, выписывающего крутые «галсы» в толще плоскогорья, по которому пролегла граница между Эфиопией и Сомали, спросил Лавров.

– В основном, все... – кивнул Рамин. – Но случается, кое-кто нарушает. Обычно это новички. Маршрутов они не знают, вот и прутся, куда не положено. А так-то... О ё-о-о-о!.. – добавив непечатное русское словцо, неожиданно воскликнул он, увидев почти прямо перед собой внезапно вынырнувший из-за поворота такой же самолетик, только желто-зеленой раскраски.

Учитывая, что обе авиэтки мчались со скоростью около полутора сотен километров в час, суммарная скорость сближения была более чем пугающей. Тем более что расстояние между самолетиками, мчащимися навстречу друг другу в теснине ущелья, изначально не превышало двухсот с небольшим метров. Явив присутствие духа и отменные навыки пилотажа, Рамин, потянув рукоять управления на себя и резко дав форсаж двигателю, заставил свою почти игрушечную крылатую машину круто уйти вверх, в последнее мгновение разминувшись с незнакомым лихачом.

А вот у нарушителя пакта «аэроизвозчиков», судя по всему, и нервы оказались слабее, да и опыта явно было маловато. Оглянувшись, Лавров увидел, как тот, чиркнув крылом по бугристой, испещренной широкими трещинами стене ущелья, закружился, закувыркался и рухнул вниз. Еще через мгновение сзади раздался грохот взрыва. Но Рамин на это, без преувеличения, драматическое событие не отреагировал ни единым движением мускулов лица.

– Легкая смерть. Это – хорошо... – флегматично прокомментировал он гибель коллеги. – Хуже, если падаешь на равнине, ломаешь хребет и тебя потом заживо клюют грифы и гложут гиены. Один мой знакомый упал в саванне. Его нашли только через три дня. Осталось только несколько костей и изжеванные волосы – у него была замечательная пышная шевелюра...

Когда самолет вынырнул из ущелья на простор широкой, зеленой долины, Андрей почувствовал внутреннее облегчение – что ни говори, а мчаться в каменной теснине «удовольствие» не самое приятное. Заложив вираж над верхушками пальм и каких-то огромных деревьев, напоминающих платаны, Рамин зачем-то пошел на снижение.

– Что, уже прилетели? – удивился Лавров.

– Нет, надо заправиться, – мотнув головой, уведомил тот.

Они приземлились на не очень большой утоптанной площадке, где даже такой мини-самолетик едва ли мог бы оторваться от земли и взлететь. Из-за деревьев к ним тут же рванул старый, ветхий «Харлей», которым управлял здоровенный негр. Приветственно помахав Рамину рукой, мотоциклист выставил из коляски две двадцатилитровые канистры. После недолгого торга «аэроизвозчик» отсчитал негру несколько зеленых долларовых бумажек. Они с Андреем залили горючее в баки и вернули канистры хозяину «Харлея». Что-то сообщив Рамину на местном наречии, негр, не слезая с мотоцикла, резко нажал ногой на кик-стартер и, дав газу, вновь умчался куда-то в лес.

– Адар говорит, что мимо селения Иггашу лучше не лететь – там на днях кого-то обстреляли, – садясь на свое место, пояснил Рамин. – Придется делать крюк километров на полста.

К удивлению Лаврова, стартовали они вполне успешно – авиэтка взмыла в небо, даже не добежав до конца этого крохотного «летного поля». Выйдя на прежний курс, примерно через полчаса полета, Рамин свернул на юго-запад. Теперь он был предельно собран и внимательно отслеживал обстановку внизу, где с быстротой калейдоскопа менялись картины проносящихся под ними ландшафтов. После полета над буйно разросшимся лесом, который тянулся вдоль какой-то речушки, едва различимой между верхушками сомкнувшихся над ней деревьев, вновь началась каменистая гряда. А потом снова начались мелкие, болотистые озера, обрамленные стеной тростника, со стаями птиц, стадами бегемотов и крокодилов...

Описав широкую дугу, Рамин вернулся на прежний курс и вскоре, указав вниз, объявил:

– Уэби-Шабелле! Теперь летим прямо к Могадишо.

Андрей посмотрел вниз и среди обычной для таких мест гущи зелени увидел голубеющие струи довольно-таки большой реки.

Солнце к этому времени уже перевалило на западную половину небосвода, и день явно шел к концу. Увидев вздымающиеся где-то впереди столбы черного дыма, Рамин немедленно ушел влево, лаконично пояснив:

– Опять жгут чью-то деревню...

Вглядываясь в эти зловещие приметы войны, непонятно во имя чего кем-то ведущейся на этой земле, Лавров внутренне подобрался. Да и могло ли быть иначе? По сути, он уже находился там, куда и собирался прибыть – в воюющей стране, где очень просто можно было оказаться в роли крохотного зернышка, попавшего в чудовищные жернова мельницы истребления, насилия и агрессии.

Вглядываясь в загадочные африканские пейзажи, он в какой-то миг подумал о том, что эта его командировка – самая опасная из всех тех, в какие он отправлялся ранее. И суждено ли ему снова увидеть родные, российские просторы. Где есть утро и вечер, где есть лето и зима, где в любом месте можно с разбега кинуться в Волгу, не опасаясь того, что следом за тобой из засады метнется препротивная, клыкастая скотина с бронированной спиной и необъятной пастью?..

– Смотри! – Рамин ткнул пальцем куда-то влево. – Вон стоят у-даппо, людоеды. Ого! Из луков целятся!..

Он дал форсаж и потянул на себя рычаг штурвала. Самолет послушно взмыл еще метров на двадцать. Поглядев в ту сторону, куда указал Рамин, Андрей увидел на большой поляне группу приземистых, полуодетых людей, которые выпустили в их сторону несколько стрел. Но силы у дикарских луков было маловато, и поэтому самолета стрелы не достигли. Где-то над верхушками деревьев описав в воздухе дугу, они как бы даже с некоторой ленцой попадали вниз.

– Это очень плохие люди! – оглянувшись, хмуро продолжил Рамин. – У них нет никакого закона. У них порядки хуже, чем в стае бабуинов. Когда случается голод, они пожирают друг друга – сильные убивают слабых... И для войны, и для охоты у-даппо используют только отравленные стрелы. Еще у них есть духовые трубки, стреляющие отравленными иглами.

Облетев стороной несколько селений, ближе к вечеру «аэроизвозчик» удовлетворенно объявил:

– Вот мы и добрались до Могадишо! Видишь, – мотнул он головой вперед, – за деревьями крыши? А вон и океан... Мы приземлимся в одном безопасном месте. Я тебе сейчас объясню, что и как тут нужно делать, чтобы с первых же шагов не влипнуть в историю.

Уверенно уйдя вправо, в сторону океанского побережья, он обогнул город и повел свою авиетку к северо-восточной окраине сомалийской столицы. Умело манипулируя штурвалом, Рамин в общих чертах рассказал о том, как отличить настоящего, «правильного» таксиста-извозчика от «неправильного», каковым может оказаться заурядный бандит и грабитель. Пояснил и суть взаимоотношений с местными властями. По его словам, официальные власти контролируют один лишь только город, и то в дневное время. По ночам в городе хозяйничают криминальные кланы, которым власть «по тамтаму». Поэтому селиться нужно только в центральных гостиницах, где даже ночью может появляться полиция. А самое главное, нужно обзавестись визой, которую можно получить у любого чиновника в департаменте иностранных дел за каких-то полста баксов.

– Наша, эфиопская, виза тут тоже кое-какой вес имеет. Но лучше обзавестись местной, чтобы не было конфликтов с полицией. Там же, в департаменте, можно получить и бумагу по своей газетной работе, – ведя самолет на снижение, неспешно поведал Рамин.

– Ты имеешь в виду, журналистскую аккредитацию? – уточнил Лавров.

– Ну, наверное, это так называется... – пожал плечами «аэроизвозчик». – И еще вот что. Нигде и никогда не говори о том, что ты христианин. Лучше назовись каким-нибудь огнепоклонником. Кстати, не дай бог у тебя в паспорте есть израильская виза.

– Нет, израильской визы у меня нет... – рассмеялся Андрей. – Есть бразильская, есть ливийская.

Выразив удовлетворение наличием ливийской визы – здесь немало тех, кто почитает Каддафи, Рамин еще раз напомнил о том, что в отличие от веротерпимой и относительно либеральной Эфиопии в Сомали властвует шариат. А посему любое действие, которое местные ортодоксы сочтут за оскорбление ислама и нарушение норм исламской морали, может иметь весьма печальные последствия, вплоть до побивания камнями...

Приземлившись невдалеке от каких-то бунгало из ветхих досок и баночной жести, Рамин озабоченно пробормотал:

– Что-то ни одного извозчика не видно... Хреново! Пешком до центра города тебе не добраться. В лучшем случае, тебя всего лишь разденут до нитки, в худшем... О-о! Кто-то, кажется, едет! – обрадованно перебил он сам себя.

Действительно, подруливший к ним на старом четырехеста двенадцатом «Москвиче», щупловатый сомалиец оказался извозчиком из числа тех, кого Рамин хорошо знал. Поздоровавшись с таксистом, «аэроизвозчик» что-то объяснил сомалийцу на местном кушитском наречии. Тот, заулыбавшись, приветственно помахал Лаврову рукой.

– О, руссо, руссо! – закивал он, всем своим видом выказывая уважение.

Не без подсказок Рамина договорившись с таксистом о цене, Андрей распростился со своим «аэроизвозчиком» и сел в столь знакомый и выглядящий весьма необычно для этой местности салон изделия бывшего советского автопрома. Запустив с третьей попытки раздрозганный двигатель, который затарахтел всеми своими изношенными клапанами, таксист включил передачу, и «Москвич» запрыгал по грунтовой, пыльной дороге в объезд лачуг.

Увидев бегущих им наперерез полуголых ребятишек, таксист жестом показал Лаврову, чтобы тот срочно закрыл окно и не обращал внимания ни на кого. На смеси ломаного английского и итальянского, который в южной части Сомали был весьма распространен с той поры, когда эти земли оккупировал дуче Муссолини, сомалиец пояснил, что если детям дать хоть

какую-то мелочь, следом в один миг, прослышав о щедром и богатом иностранце, может бежаться весь поселок.

«Москвич» удачно объехал попрошайек, но вот уже дальше, на въезде в город объехать каких-то вооруженных людей в натовском камуфляже и с «АКМ» ему не удалось. Выйдя из машины, Андрей показал старшему в этом то ли патруле, то ли банде свой французский паспорт.

– Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш? – спросил он главаря.

– Есс, ай ду... – процедил тот, перелистывая паспорт.

Узнав о том, что это французский журналист, намеревающийся написать серию правдивых репортажей о бедствиях сомалийского народа, дабы благотворительные фонды более щедро присылали сюда «гуманитарку», главарь, немного подумав, неохотно вернул паспорт и небрежно махнул рукой – проезжай. Впрочем, скорее всего, решающую роль здесь сыграли десять долларов, «случайно забытых» Лавровым между страницами паспорта, куда ему посоветовал положить Рамин.

Как мог догадаться Андрей, этот патруль был из проальякаидской исламистской группировки «Аш-Шабааб», по некоторым сведениям тесно связанной с бен Ладеном. Исламисты контролировали окраины Могадишо, периодически вступая в стычки с контролирующими, в свою очередь, центральную часть столицы межафриканскими миротворческими силами, представленными в основном подразделениями Уганды и Бурунди. Случались и минометные обстрелы города, перераставшие в ожесточенные стычки.

Когда «Москвич» покатил по немногочисленным улицам, застроенным двух-трехэтажными домами, его остановил еще один патруль. Скорее всего, угандийский. Но здесь обошлось даже без необходимости совать в паспорт купюру – достаточно было показать один лишь документ. Еще минут через двадцать езды таксист остановил свою машину у трехэтажного здания с вывеской «Отель «Леон». Все на той же англо-итальянской смеси сомалиец уведомил своего пассажира, что с недавних пор этот отель получил дурную славу – совсем недавно отсюда похитили сразу троих иностранцев.

Изобразив крайнее удивление и накинув сверх обещанного несколько долларов, Лавров узнал о том, что похищение произошло поздней ночью. К отелю на двух джипах прикатили какие-то вооруженные персонки, которые без единого выстрела заставили капитулировать его охрану и, представившись сотрудниками контрразведки, забрали с собой двоих французов и одного русского. На вопрос Андрея о том, что думают местные таксисты о причинах этого похищения, сомалиец красноречиво потер пальцами, давая понять, что, скорее всего, налетчики желают получить хороший выкуп.

Войдя в холл гостиницы и показав охраннику паспорт, Лавров направился к портю, который при его появлении расцвел улыбкой, выражая радушие и гостеприимство.

– Господина желать у нас остановиться? – почтительно поинтересовался он на ломаном английском. – У нас имеется номера на всякая вкус. Есть даже президентская супер-люкс...

– Нет, у меня чисто рабочая поездка, поэтому номер обычный... – небрежно уведомил Андрей. – Кстати, я слышал, у вас тут недавно случилось похищение иностранцев. Надеюсь, похищения происходят не каждый день?

Враз скисший портю уныло подтвердил, что и впрямь подобный инцидент имел место быть. Но тут же поспешил заверить, что подобное – единственный случай за всю историю существования отеля. Перейдя на доверительный полусшепот, он добавил, что похитить ооновцев могли представители территорий, которым по каким-либо причинам показалось, будто те слишком мало выделили им гуманитарной помощи.

– ...Эти господаины делить «гуманитарка» по разный район нашего Сомало. Они никогда не уступать большим людям из власти и вождям военных отряд, которые хотеть все забрать

в свои руки, а сами все отдавать голодным. Им не раз угрожать, но они все равно делать по-своему, – закончил портье свой рассказ.

О том, кто именно похитил постояльцев гостиницы, портье не знал, но в общих чертах обрисовал «очень большой персонка», который возглавлял шайку похитителей. По его словам, в принципе, похищение и даже убийство людей в современном Сомало (как называют свою страну сами сомалийцы), в том числе иностранцев, вовсе не сенсация и даже не относительно громкое событие. Это обычное явление. И если бы не принадлежность похищенных постояльцев гостиницы к такой, по понятным причинам, почитаемой всеми международной организации, то едва ли бы в Могадишо это вызвало хоть какой-то общественный резонанс. Мало ли кого украли и убили? Перед смертью все равны...

Глава 3

Получив ключи от номера и оставив там свои вещи – портфель настоятельно рекомендовал «денга и брильянта» не оставлять в номере, а сдать на хранение в специальный сейф, находящийся под круглосуточной охраной, – Лавров отправился прогуляться в оставшееся недолгое, предвечернее время по близлежащим улицам, чтобы хоть немного ознакомиться с Могадишо и лично изучить здешний социальный климат. Своей интуиции он доверял, и ему зачастую достаточно было бегло посмотреть на дома, на людей в незнакомом городе, на выражение их лиц и походку, чтобы понять, какова там реальная обстановка и чего в дальнейшем можно ждать в той или иной ситуации.

Столица Сомали, как Лавров смог понять еще только прибыв сюда, на прифронтовой город в общем и целом не походила. Но слишком многое говорило о постоянном напряжении, царящем в самой атмосфере малоэтажных городских кварталов, которые выглядели бесприютно и настороженно. Люди, куда-то спешащие по своим делам, беззаботными и тем более беспечно-веселыми не выглядели. Взгляды прохожих, скорее, были изучающе-анализирующими, как лучи локаторов какого-нибудь корвета или фрегата, ошупывающих акваторию моря в поисках возможной опасности. Встречались взгляды и откровенно подозрительные, и даже недоброжелательные.

Чтобы подкрепиться с дороги, он зашел во вполне европейского вида кафешку. Хозяином кафе оказался европеизированный индус, который отменно говорил по-английски. Узнав, что здесь можно заказать блюда европейской кухни за исключением тех, что запрещены Кораном, Лавров заказал французский суп с трюфелями, английский бифштекс и минеральную воду. Ожидая заказ, он заглянул в меню, лежавшее на столике, и, к своему удивлению, обнаружил там и блюда из рыбы, курятины и даже яичницу с беконом – совершенно не халяльное блюдо.

О том, что сомалийцы в большинстве своем вообще не едят ни рыбы, ни курятины, ни куриных яиц, считая это «нечистой пищей», Андрей узнал еще в Эфиопии. Поэтому, с учетом блюд, обнаруженных в меню, он сделал вывод, что кафе ориентировано, прежде всего, на европейцев и азиатов, проживающих в Могадишо. Как видно, даже происходящие в стране потрясения не заставили несомалийцев срываться с насиженных мест и уезжать куда-нибудь за границу.

Возможно, это объяснялось тем, что в отличие от излишне агрессивных зулусских националистов ЮАР, которые насилие над европейцами, в одночасье ставшими угнетаемым меньшинством, возвели в ранг «национального самоутверждения», сомалийцы, при всем разгуле криминала, в том числе и политического, старались не переступать грань, за которой мог начаться геноцид иноплеменников.

Подкрепившись, Лавров почувствовал себя бодрее, и теперь даже жарыща, нестерпимая для жителя средних широт, казалась не такой изнуряющей. Как он уже успел заметить, сомалийцы во многом напоминали эфиопов. Большинство являло собой вполне стройных, рослых людей. Шоколадный оттенок кожи тоже больше напоминал эфиопов, нежели уроженцев центральных и западных частей Африки с их куда более темной, иной раз антрацитово-черной кожей и классически негроидным типом лица.

Как и эфиопки, уроженки Сомали смотрелись хотя и несколько экзотичными, но, при всем том, весьма и весьма привлекательными особами. Когда Андрей шел по улице, то наблюдал, как многие из сомалиек несли какие-то сумки, свертки, коробки, водрузив свою ручную кладь по традиционной африканской методе на макушку, что придавало их осанке почти королевскую значительность, а походке – волнующую грацию. Зная, что в мусульманской стране адресовать излишне открытые взгляды женщинам крайне нежелательно, поскольку это запро-

сто могло повлечь конфликты, стать и обаяние африканских красавиц он оценивал боковым зрением. Скорее всего по причине близящегося заката – солнце уже скрылось за верхушками деревьев – жительницы сомалийской столицы шагали более торопливо, нежели мужчины.

Помимо типичных сомалийцев, среди пешеходов были заметны уроженцы Индии, арабы, европейцы и вездесущие – как же без них-то? – китайцы.

Выйдя на просторную улицу, откуда виднелось возвышающееся над городом старинное двухбашенное здание, невдалеке от которого виднелся минарет мечети, Лавров спросил у одного из прохожих, что это за «стрит». Прохожий, скорее всего – итальянец, на вполне сноском английском пояснил, что это одна из центральных улиц Могадишо, называемая улицей Республики. А чуть дальше, добавил словоохотливый итальянец, параллельно этой, проходит другая, не менее крупная улица Первого Июля. Кроме того, он также сообщил, что замеченное Андреем двухбашенное здание – католический собор, который соседствует с кафедральной мечетью Могадишо.

Явно войдя во вкус общения, итальянец подробно рассказал Лаврову, где именно находится комплекс правительственных зданий – резиденция главы правительства, МИД, МВД, минфин и иные, не менее важные ведомства. Там же можно было найти достойные настоящего джентльмена, сеньора, месье магазины и рестораны...

Их оживленную беседу весьма невежливым образом прервали четверо не вполне миролюбивого вида сомалийцев, один из которых был с пистолетом, а остальные – с кривыми кинжалами. Держа оружие так, чтобы его не было видно со стороны, обладатель пистолета, приветливо улыбаясь, по-итальянски предложил поделиться имеющейся наличностью. Чрезвычайно расстроенный итальянец неохотно полез за бумажником.

В долю секунды оценив обстановку, Андрей молниеносным ударом ноги выбил пистолет у, как он понял, главаря. Блокировав руку другого, с кинжалом, третьего, стоявшего слева, еще одним ударом ноги в сплетение он заставил закувыркаться по тротуару. Затем, не мешкая, ударом локтя в шею вырубил находившегося справа. Главарь с искаженным от боли лицом, держась рукой за ушибленное запястье, испуганно отпрянул назад и, споткнувшись, брякнулся на асфальт. Четвертый, испуганно выпучив глаза – кто бы мог подумать, что этот «гучумба» (чужак, иностранец) окажется столь воинственным и отважным? – не разбирая дороги, кинулся наутек.

Итальянец, так и не успевший достать бумажник – схватка длилась всего несколько секунд, – ошарашенно взирал на своего собеседника. Видимо, он силился понять, с кем же на самом деле свела его судьба, ибо человек, представившийся журналистом, едва ли мог бы столь эффектно разделаться сразу с несколькими вооруженными грабителями, принадлежи он только лишь к пишущей братии. Но, тем не менее, движимый естественным чувством благодарности, он не мог не произнести взволнованного:

– Грацио, сеньоро! Тсэнк ю вэри матч, сэр!

Дружелюбно усмехнувшись, «русский журналист из Франции» предложил вызвать полицию, чтобы сдать лежащих на тротуаре и не смеющих двинуться налетчиков местным стражам правопорядка. Но, зная местные порядки и «оперативность» сомалийской полиции, итальянец предложил отпустить бандитов с миром. С одной стороны, тем тоже не чуждо чувство признательности, и они теперь – уж точно – их обоих будут обходить стороной. А с другой – полицию они могут ждать и час, и два. Да еще и неизвестно, кого именно стражи порядка сочтут агрессором, а кого – жертвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.